

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТНОСТИ И КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

(в сопоставлении с русским языком)

© С. П. Буров

Великотырновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия

Болгария, 5003 г. Велико-Тырново, ул. Т. Търновски, 2.

E-mail: stobur@abv.bg

В статье рассматриваются особенности интерпретации представлений о предметности сквозь призму грамматических характеристик имени существительного в болгарском языке в сопоставлении с русским. Как полагает автор, концептуализация предметности прежде всего связана с их квантитативной категоризацией. Конкретные, отдельные предметы концептуализированы как 'единичное целое'; множества конкретных однородных предметов концептуализируются как 'много'; нецелые предметы концептуализируются как несчитаемые предметы, обратное утверждение также верно – несчитаемые предметы концептуализируются как нецелые предметы. В зависимости от других признаков (структуры предмета, функционирования предмета, взаимодействия с предметом, даже отношения к предмету) целое может концептуализироваться как функциональное 'много' (дуальные существительные), а много – как функциональное 'целое' (собирательные существительные). По способу концептуальной категоризации предметности автором выделяются следующие грамматические классы: 1) класс считаемых существительных (с коррелятивными формами единственного и множественного числа) – они отражают концептуализацию целого как 'целое' и множества как 'много'; 2) класс дуальных существительных (с формой только множественного числа) – они отражают концептуализацию целого как 'много' и находятся на периферии языковой предметности; 3) класс собирательных существительных (с формой только единственного числа) – они отражают концептуализацию множества как 'целое' и также находятся на периферии языковой предметности; 4) класс названий масс (вещественных и абстрактных) (с формой только единственного или только множественного числа) – они отражают концептуализацию нецелого как 'нецелое (континуум)' и размещаются между ядром языковой предметности и ее периферией. Именно потому что они являются периферией, дуальные и собирательные существительные представляют собой самые слабые звенья языковой предметности. Это особенно характерно для болгарского языка и в меньшей степени для русского и остальных славянских языков, в которых синтетизм тоже «поддерживает» классы относительно стабильными. В результате сопоставления способов концептуализации и грамматической категоризации предметности в болгарском и русском языках автор делает вывод о том, что самая большая близость между двумя языками наблюдается в «прототипичной», ядерной предметности, представленной считаемыми существительными с соотносительными формами единственного и множественного числа, а самые большие различия существуют на периферии предметности, представленной в обоих языках дуальными и собирательными существительными.

Ключевые слова: предметность, концептуализация, категоризация, имя существительное, болгарский язык, русский язык.

В болгарском языке, так же как и в других славянских языках, в том числе в русском, самая многочисленная и самая презентабельная часть предметности концептуализирована в виде множеств отдельных (дискретных) физических форм. Каждая из этих форм в количест-

венном отношении квантифицирована как единичный предмет, поддающийся счету и подсчету. Квантитативная категоризация предметов и их концептов отражена в числе имени – единственном/множественном.

В английском, немецком, французском и в других языках система артиклей также показывает способ квантификации: ср., напр., употребление неопределенного артикля $a(n)$ в английском в качестве грамматического показателя 'единичности' и 'считаемости', соответственно, значимое отсутствие неопределенного артикля, при помощи которого отражается концептуальный статус «предмета», как не поддающегося подсчету.

Возможность изменения имени существительного по числу (не меняя при этом лексическую семантику) и возможность названный им предмет подвергать счету и подсчету (соответственно, невозможность изменения по числу и невозможность подсчитывать предмет) отражают концептуальный статус предметов таким же образом, как в языках, к которым относятся китайский, вьетнамский и др., где возможность употребления классификатора (соответственно, невозможность употребления классификатора) отражает образ мышления о предметности. И если мышление о предметности при помощи системы классификаторов является одним из способов категоризации (классификации и квантификации) предметов, по мнению Дж. Лакоффа [9], другим способом категоризации (квантификации и классификации) является именно тот, который присущ «европейскому» мышлению. В таких языках, как болгарский и русский, оно отражается, в первую очередь, в форме числа имени существительного. В этом смысле концептуальные классы предметов («категории») являются грамматическими классами имен существительных.

Для И. Ревзина, например, категория числа является ведущей категорией в семантике существительного, так как (1) именно с ней связано значение предметности, (2) она организует семантическую классификацию существительных [15, с. 161]. В другом месте тот же лингвист пишет: «Категория числа, являясь когнитивной (логической) категорией, т.е. отражая свойства объектов реальной действительности, ведет себя активно (как и другие категории языка, она не просто отражает действительность, но специфическим образом организует ее представление в языке» [16, с. 180].

Эту точку зрения можно поддержать также мнением А. Вежбицкой, которое является хорошо аргументированным. В языках, пишет Вежбицкая, в которых существительные обладают родом (таких, как латинский, русский, суахили или аварский), у существительного обычно свой собственный ингерентно присущий ему род, а это свидетельствует об **уникальной категоризации**, создающей существительное [4, с. 117]. Итак, аналогом предметной категоризации в «классифицирующих» языках при помощи системы классификаторов является квантитативная предметная категоризация в «классно/родовых» языках. Языковая категоризация предметов в «классифицирующих» языках представляет собой классификацию **объекта** в зависимости от концепта о нем; языковая категоризация предметов в «классно/родовых» языках представляет собой классификацию **названия** объекта в зависимости от концепта о нем. В «классифицирующих» языках существуют две взаимосвязанные, но параллельные системы языковых средств: система классификаторов и единая система названий предметов. Объединение классификатора с названием предмета категоризирует предмет (классифицирует его и квантифицирует как вид предмета). Когда предмет кванти-

фицируется как дискретная целость, его можно считать только при помощи классификатора (указывается число классификатора, а не напрямую предмета, или, точнее говоря, число предмета через классификатор). Поэтому в «классифицирующих» языках у имен существительных **нет** грамматического числа.

В таких языках, как болгарский и русский, концептуальная категоризация предметов застыла в их названиях, в грамматической системе классов и категорий имен существительных.

Болгарская категоризация предметов, в общих чертах, следует за их количественной категоризацией и отражается в формах числа имен существительных. Родовая классификация названий предметов, которая в современном болгарском языке отражает, в первую очередь, формальные особенности названий предметов, а не самих предметов (но в некоторых случаях связана и с естественной категоризацией предметов, например, с категоризацией взрослых лиц по полу), тесно связана с количественной категоризацией. Известно, например, что в единственном числе одна и та же форма имени существительного кумулирует как значение числа, так и значение рода. В единственном числе любое болгарское имя существительное без исключений селектировано по роду – мужскому, женскому, среднему, во множественном числе родовые противопоставления полностью нейтрализованы, т.е. языковая категоризация предметов отражена в болгарской грамматике прежде всего через **взаимодействие и иерархию** грамматических категорий числа и рода имен существительных.

Что касается категории определенности/неопределенности, которая представляет собой важную отличительную характеристику болгарской грамматики по сравнению с другими славянскими языками, имена существительные делятся на существительные собственные и существительные нарицательные. Как *rigid designators*, имена собственные по природе являются определенными и в принципе не определяются артиклем. Наричательные имена существительные образуют дескрипции разного референциального статуса.

По категории числа нарицательные имена существительные делятся на считаемые существительные (с коррелятивными формами единственного и множественного числа) и на несчитаемые существительные (с формой только единственного или только множественного числа).

Релевантным для категории рода является противопоставление считаемых существительных на личные существительные и неличные существительные, поскольку семантический компонент половой принадлежности у личных существительных находится во взаимодействии с их родовой принадлежностью.

Между тремя классификациями существует иерархия, соответствующая иерархии между тремя грамматическими категориями: выше всего в иерархии находится категория определенности/неопределенности, срединное место занимает категория числа, ниже всего в иерархии находится категория рода. По этой причине через классификации по определенности/неопределенности, числу и роду обособлены непересекающиеся, вмещающиеся друг в друге морфологические классы (ряды): имена существительные \Rightarrow нарицательные (считаемые (личные – неличные) – несчитаемые) – собственные.

Представленная классификация отражает основные морфологические классы, ее можно прецизировать в рамках каждого из классов.

Так например, для описания нарицательных считаемых личных существительных релевантно их деление на мужские личные и немужские личные и на мужские личные и женские личные имена.

В современном болгарском языке деление имен существительных на одушевленные и неодушевленные нерелевантно, у него нет грамматической стоимости, какая существовала в староболгарском языке и которая продолжает существовать в современном русском языке. По причине полной утраты именного склонения не может быть никакой зависимости в болгарском языке между выбором падежа и делением имен на «одушевленные» и «неодушевленные» предметы, что наблюдается в русском языке. Более того. По мнению Котовой и Янакиева, в болгарском сознании никоим образом «не учитывается» признак «одушевленности», поэтому в болгарском говорят *Нещо ме ухапа (Что-то меня укусило)*, в то время как его русский эквивалент *Кто-то меня укусил*; в болгарском *Някой ме ухапа* следовало бы перевести на русский *Какой-то человек меня укусил*. Вопрос *Кой те е ухапал?* болгары понимают в смысле «какой человек», в противном случае вопрос был бы сформулирован *Какво те е ухапало?* [8, с. 425]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что концептуализация одушевленности представляет собой эволюционный когнитивный процесс, находящийся в сложном взаимоотношении с языковой категоризацией. Она отражена во всей грамматике болгарского языка, в том числе находит выражение также в делении имен существительных на классы, отражается своеобразно в категориях рода и числа, а в некоторых случаях коррелирует также с естественной, «наивной» категоризацией предметов.

За пределами классификации нарицательных существительных на считаемые и несчитаемые, основывающейся на признаке [±дискретность], остаются так наз. дуальные существительные (типа *клеци* ‘клещи’ и *ботуши* ‘сапоги’). Поскольку они противопоставляются всем остальным нарицательным существительным, на вершину иерархии противопоставлений по числу можно вывести ряд дуальные – недуальные нарицательные существительные. Со своей стороны, несчитаемые имена существительные делятся на две группы: названия (вещественные и абстрактные) масс и собирательные существительные.

У считаемых существительных грамматическая сингулярность/множественность соответствует семантической сингулярности/множественности; у несчитаемых существительных – названий масс – грамматическая сингулярность/множественность соответствует семантической не-сингулярности/множественности; у несчитаемых собирательных существительных грамматическая сингулярность соответствует семантической множественности; у дуальных существительных грамматическая множественность соответствует семантической сингулярности.

Итак, по отношению категории числа развернутая классификация нарицательных имен существительных обретает следующий вид: нарицательные существительные ⇒ дуальные – недуальные (считаемые – несчитаемые (массы – собирательные)).

1. Дуальные – недуальные нарицательные существительные. Дуальные существительные типа *клеци* и *ботуши*, каких в современном болгарском языке относительно небольшая и уменьшающая свой объем группа, компактно противопоставляются всем остальным существительным по своей денотативной соотнесенности с конкретным, но составленным из двух симметричных частей предмет, например, *очила (очки), клеци (клещи), гащи*

(штаны), или с двумя предметами, которые вместе составляют парный предмет, например, бѣбреци (почки), очи (глаза), рѣкавици (перчатки). Особенность этих существительных состоит в том, что их грамматическая множественность соотносится с семантической единичностью. Форма множественного числа является или их единственной формой, как обстоит дело, например, с такими существительными, как *очила* и *клещи*, или их представительной формой для лексической номинации парного предмета, как обстоит дело с такими существительными, как *бѣбреци* и *ботуши*. В отличие от формы множественного числа считааемых существительных, напр. *шлифери* (плащи), *якета* (куртки), *шапки* (шапки, шляпы), обладающей значением неопределенного количества, превышающего единицу, форма множественного числа парного предмета дает качественную характеристику данного предмета, например, в предложении *Купих си нови ботуши* (Я купил/а новые сапоги) форма *ботуши* означает 'одну пару сапог', т.е. это форма определенного количества (двухэлементной тотальности).

Соотношение между *рѣце* (руки) и *рѣка* (рука) отличается от соотношения между *глави* (головы) и *глава* (голова), например. Предмет «рѣце» обладает качественной определенностью и целостью именно в своей двусоставности. Не случаен, между прочим, тот факт, что форма *рѣце* является прямой наследницей старой формы утраченного в процессе развития болгарского языка двойственного числа *рѣцэ*, а не формы множественного числа в именительном падеже *рѣкы*, как это у других существительных женского рода, ср., напр. *река* – *реки* < *рѣкы* (именительный падеж множественного числа), ср. в русском *рука* – *руки*, но в болг. и русском *ухо* – *уши*, *око* – *очи* (формы множественного числа являются наследниками формы двойственного числа), в болг. *коляно* – *колене* (множ. от старого двойственного), *колена* (множ.) и *колени* (множ. разг. и диал.), *крило* – *криле* (множ. от старого двойственного) и *крила* (множ.), в русском *колени* – *колени*, *колена* (устар.) и *коленья*, *крыло* – *крылья* и *крыла* (устар.). В болгарском между такими формами, как *криле* и *крила*, *колене* и *колена* и *колени* наличествует т.наз. дополнительная дистрибуция, можно сказать *криле на птица* и *крила на птица*, но только *крила на самолет* (*самолета*), *на прозорец* (*окна*) (нельзя: *криле*), *падам на колене* (*падать на колени*), *коленете ме болят* (*колени болят*) и *колената ме болят*, но только *колена на трѣба* (*трубы*), *на растение* (*растения*), *морето ми е до колени* (*море по колени*) (фразеологизм).

Грамматическая категоризация дуальных – недуальных имен существительных соответствует концептуализации конкретных предметов как предметов бипарциальной или унитарной структуры. Даже в близкородственных лингвокультурных системах, какими являются болгарская и русская, могут наличествовать не только глубокие сходства, но и принципиальные различия в концептуализации предметов. Ср., напр., *очила* – *очки*, *гащи* – *штаны* (и в болг., и в русском pl. tantum), но в болг. *обуца* (pl. tantum) и *обувки* (множ.) и *обувь* в русском (sg. tantum), *ворота* в русском (pl. tantum) и болг. *врата* (устаревшая плуральная форма, сейчас употребляемая в устойчивых выражениях и в диалектах) и *врата* – *врати* (*дверь* – *двери*) (считааемое существительное с коррелятивными формами ед. и множ. числа).

2. Считааемые – несчитааемые нарицательные существительные. Это основное разделение нарицательных имен существительных производится на основе их изменения по числу: считааемые существительные обладают соотносительными формами единственного и множественного числа, противопоставляющимися друг другу на базе количественного при-

знака; несчитаемые существительные представляют собой имена с дефективной числовой парадигмой – они являются или *singularia*, или *pluralia tantum*, так как у них присутствуют лексико-семантические ограничения, блокирующие возможность числового противопоставления, основанного на количественном признаке.

Следует принимать во внимание тот факт, что морфологическая классификация нарицательных существительных на считаемые/несчитаемые не совпадает полностью с их денотативной соотнесенностью с материальным/абстрактным (целостным/нецелостным) объектом. Так, например, несмотря на то, что они называют нематериальные объекты, существительные типа *целувка (поцелуй)*, *успех* или существительные типа *причина*, *извод (вывод)*, *идея*, чье значение обладает высокой степенью обобщенности, относятся к считаемым существительным, так как у них есть соотносительные формы числа, не меняющие их лексическое значение. Наоборот, к несчитаемым существительным относятся названия вещественных масс (т.е. материальные «объекты»), поскольку они являются или *singularia*, или *pluralia tantum* и не сочетаются с количественными числительными, что обусловлено тем фактом, что вещество нельзя считать, его можно только измерять, например, *две захари (два сахара), но *два килограмма захар (два килограмма сахара)*, или же, если подсчитывать, то подсчитывают не вещественный континуум, а отдельную его часть, например, *два пакета захар*.

Разграничение считаемых от несчитаемых существительных осуществляется путем применения критерия, может ли существительное сочетаться с количественным именем числительным в функции квантификатора [17].

Считаемым является любое существительное (или любой его лексико-семантический вариант), соответствующий указанному критерию, и наоборот – несчитаемым является существительное (или его лексикосемантический вариант), не соответствующий критерию. Так, например, существительные *прозорец (окно)*, *ученик*, *лампа*, *куче (собака)*, *село* являются считаемыми не только потому, что у них есть соотносительные формы единственного и множественного числа (при этом лексическое значение не меняется), но и потому, что они сочетаются с количественными числительными: *два прозореца (два окна)*, *трима ученици (трое учеников)*, *десет лампи (десять ламп)*, *пет кучета (пять собак)*, *сто села (сто деревень)*. Существительное *мъгла (мгла, туман)* можно употребить и во множественном числе *мъгли*, но нельзя сочетать с количественным числительным: *две мъгли, *десет мъгли. Следовательно, оно несчитаемое, а его форма множественного числа означает не дискретность, а интенсивитет, силу, длительность. По этой же причине формы *навалица/навалици (толпа, скопление людей)*, *неуредица/неуредици*, *угризение/угризения* и мн. др. не представляют собой формы считаемых существительных.

Грамматическая категоризация считаемых – несчитаемых имен существительных осуществляется в зависимости от концептуализации предметов в качестве целых, считаемых предметов или масс и совокупностей, не поддающихся счету, т.е. по признаку [±дискретность].

3. Названия масс – собирательные существительные. Несчитаемые имена существительные не представляют собой однородную группу. К ним относятся все существительные, обладающие дефективной числовой парадигмой и употребляющиеся или только в единст-

венном, или только во множественном числе. В этом отношении они в целом противопоставляются считаемым существительным. В рамках несчитаемых существительных наблюдается два основных морфологических ряда: названия масс и собирательные существительные. Со своей стороны, названия масс противопоставляются считаемым существительным: грамматическая сингулярность/множественность считаемых существительных соотносится с семантической сингулярностью/множественностью; наоборот, грамматическая сингулярность/множественность названий масс соотносится с семантической несингулярностью/множественностью.

Термин названия масс (*mass words*) заимствован у О. Есперсена, по мнению которого названиями масс являются вещественные и невещественные (= абстрактные) существительные, не вызывающие представления о предмете, имеющем определенную форму и точные границы [5, с. 229]. В отличие от считаемых существительных, при помощи которых создаются дискретные множества, названия масс представляют множество континуум [14, с. 137].

Из того, что грамматическая сингулярность/множественность названий масс соотносится с семантической не-сингулярностью/множественностью, проистекает такое важное обстоятельство, что квантитативная категоризация массы через существительное в единственном (*грозде `виноград`, лук; сериозност, пустота, авантюризм*) или во множественном числе (*въглища `уголь`, трици `отруби`; аплодисменти, коментари, оглушки `притворяюсь, что не слышу`*) осуществляется по другим признакам: в зависимости от функционирования «объектов», их типа и способа использования человеком. Именно в названиях масс чаще всего встречаются проявления перехода из единственного во множественное число и наоборот, при этом не меняется их квантитативная категоризация в качестве континуума. В большей части абстрактных существительных акционной семантики наблюдается взаимозаменяемость форм единственного и множественного числа. У формы множественного числа существует дополнительное значение повторяемости, интенсивности, силы. В отдельных случаях, когда четче ощущается значение предметного результата, форма эксплицирует длительность, изобилие. Несмотря на сингулярную или множественную манифестацию действия, его квантитативная категоризация абстрактного предмета не меняется.

В разных языках при концептуализации веществ также наблюдаются как сходства, так и различия, ср., напр., в болгарском и русском языках:

<i>болгарский язык</i>		<i>русский язык</i>	
гръсти	plurale tantum	конопля	singulare tantum
каймак	singulare tantum	сливки	plurale tantum
мая	singulare tantum	дрожжи	plurale tantum
въглища	plurale tantum	уголь	singulare tantum

Больше подробностей см. в [7, с. 59–73].

Сходство между болгарским и русским языками обнаруживается в выборе формы множественного числа существительных о вещественно-собирательных массах, называющих остатки, отсевы, отходы или примеси, т.е. вещества второстепенного значения. Это находится в соответствии с концептуализацией плюралности, как что-то ‘плохое’, ‘чужеродное’, ‘лишенное ценности или обладающее небольшой ценностью’, напр., в болг. *трици (отруби), стърготини (опилки), джибри (выжимки), изрезки (вырезки), огризки, останки (остатки)*,

отпадъци (отходы), отсевки, паберки (оставшиеся после уборки фрукты и овощи); в русском выварки, выгребки, выжимки, выпарки, высевки, опивки, очистки, оттопки, подонки, помои и др.

Вопрос о концептуальной и языковой категоризации вещественных масс пользуется в лингвистике неубывающим интересом. В большой степени этот интерес стимулируется оригинальным, в некотором смысле вызывающим, концептуальным анализом названий ряда фруктов и овощей, проведенным А. Вежбицкой [1, с. 258–328]. Позднее она несколько раз возвращается к этому вопросу, чем поддерживает интерес к нему [2, 3]. Концептуальная категоризация фруктов и овощей, отраженная в семантике их названий в русском языке, подробно исследована в работе Фрумкиной и др. [18, с. 84–110], а категоризация пищевых продуктов (фруктов, овощей, мяса, рыбы, мучных и кондитерских изделий), отраженная в числовой парадигме имен существительных в русском языке, представлена в работе О. Ляшевской [11, с. 79–106] (см. там же подробный обзор и библиографию исследований в этой области англоговорящих, российских и польских ученых).

Чем же концептуальный анализ А. Вежбицкой является вызывающим? Он вызывает и, одновременно с этим, привлекает, прежде всего, антропоцентрическим объяснением размера различных видов фруктов и овощей (можно ли единичные их «представители» держать пальцами (между большим пальцем и останальными пальцами) одной руки или нельзя, могут ли они уместиться на ладони одной руки, согнутой в горсть, или не могут; позволяет ли их размер положить в рот целиком или в рот кладут дольки (кусочки) их, позволяет ли их размер съесть их полностью за один прием пищи или это невозможно). О размере *яблока*, например, она пишет, что оно слишком большое, чтобы можно было бы держать яблоко между указательным пальцем и пальцами одной руки, но не слишком большое, чтобы его нельзя было держать в горсти одной руки; кроме того, его размер не настолько велик, чтобы его нельзя было съесть целиком за раз, но слишком велик, чтобы можно было бы съесть несколько яблок друг за другом; о размере *черешни* она отмечает, что ягоды одинакового небольшого размера, который позволяет положить в рот одну целую ягоду и съесть ее и который позволяет съесть последовательно больше одной ягоды черешни, но не позволяет положить одновременно в рот несколько ягод черешни; о *капусте* она отмечает, что размер одного *кочана* позволяет держать его обеими руками, но не позволяет съесть его целиком во время одного приема пищи.

Автор делает попытку установить следующую универсальную закономерность в грамматической категоризации названий фруктов и овощей (в языках, в которых существует грамматическое число): имена существительные, называющие культуры, чьи отдельные плоды слишком мелкие (по отношению высказанной антропоцентрической точки), являются преимущественно несчитаемыми существительными *singularia tantum*; имена существительные, называющие культуры, чьи плоды среднего размера, являются считаемыми существительными с формами единственного и множественного числа; имена существительные, называющие культуры, чьи плоды больше по размеру, опять же являются преимущественно несчитаемыми существительными *singularia tantum*. В болгарском языке указанную закономерность можно было бы продемонстрировать следующей триадой: *грах (горошек), боб (фасоль), фасул (sg. tantum) – ябълки (яблоки), домати (помидоры), картофи (картофель) (pl-ориентированные) – зеле (капуста), цвекло (свекла) (sg. tantum), патладжан (баклажаны)*

(sg-ориентированное), а в русском: *фасоль, горох* (sg. tantum) – *яблоки, огурцы* (pl-ориентированные) – *капуста, салат* (sg. tantum) [11, с. 80–81].

Основным различием между вещественными и абстрактными существительными является то, что вещественные представляют континуум, который можно подвергать партиципации, в то время как абстрактные составляют множество континуум, которое не может менять свой объем без того, чтобы разрушилась его качественная однородность. При раздроблении вещественного континуума любая его часть обладает свойствами континуума.

Собирательными существительными обозначается совокупность единиц, которые за ее пределами можно подсчитывать. Множество, однако, воспринимается как целое, в виде конечного множества, т.е. его качественная определенность не сводится к качественной определенности составляющих его конкретных предметов, например, *студент – студенти – студентство* (*студент – студенты – студенчество*). Двойственная природа собирательных существительных состоит в том, что их грамматическая сингулярность соотносится с семантической множественностью. По этой причине собирательность подвергута тотальному уничтожению. По мнению В. Панфилова, во многих языках на более ранних этапах их развития существовало значительное количество грамматических показателей собирательной множественности [12, с. 349]. Проявляются две тенденции: (а) постепенного стирания семантических различий между показателями собирательных множеств; (б) переосмысления некоторых из этих показателей в показатели «обычного» множественного числа. Современные люди стремятся подчинить квантитативную категоризацию в соответствии с концептуализацией целого как 'целое', нецелого – как 'нецелое' и многого (многоэлементного, множества) катю 'много'. Таким образом, собирательность, являющаяся следствием концептуализации множества как 'целое', или растворяется во множественном числе, или значение подвергается сингуляризации, т.е. формой единственного числа собирательного существительного начинает называться каждый конкретный элемент собирательного множества, что меняет морфологический статус существительного: из собирательного оно переходит в считаемое с коррелятивными числовыми формами, ср., напр., в болг. *асортимент, персонаж* (собирательные), но *няколко асортимента* буквально 'несколько ассортиментов', *персонажите в романа* (множественное число считаемых существительных).

По форме и значению собирательные существительные являются противоположными дуальным существительным, которые, со своей стороны, отражают концептуализацию целого как 'много': грамматическая сингулярность собирательных существительных соотносится с семантической множественностью, наоборот – грамматическая множественность дуальных существительных соотносится с семантической единичностью.

Следовательно, грамматическая категоризация несчитаемых существительных как названия масс – собирательных существительных находится в соответствии с концептуализацией нецелого как 'нецелое' (вещественные и абстрактные массы) и нецелого (= много) как 'целое' (собирательные существительные).

Итак, в семантическом отношении существительные делятся на имена собственные – имена предметные – имена абстрактные, в функциональном отношении – на имена собственные – дескрипции – имена пропозитивной семантики, а в грамматическом – на имена собственные – имена нарицательные, дуальные существительные – недуальные существи-

тельные, считаемые – несчитаемые существительные, личные существительные – неличные существительные (в русском языке – одушевленные – неодушевленные существительные), названия масс – собирательные существительные, вещественные существительные – абстрактные существительные.

Как по своим семантическим и функциональным особенностям, так и по своим грамматическим характеристикам имена собственные четко занимают обособленное место среди субстантивной лексики. Можно также утверждать, что в функциональном отношении типичное предметное название является типичной дескрипцией, а в грамматическом отношении оно типичное нарицательное считаемое существительное. Типичное абстрактное в семантическом и грамматическом отношении имя в функциональном отношении представляет собой типичное имя пропозитивной семантики. Семантическая, функциональная и грамматическая характеристика «нетипичных» имен отличается, во многих случаях она противоречивая. Скорее, можно утверждать, что функциональная и грамматическая характеристика «нетипичных» имен находится в зависимости от их расположения относительно центра лексико-семантического континуума именной зоны.

В обобщение можно сказать следующее:

Концептуализация предметности прежде всего и в первую очередь связана с их количественной категоризацией.

Конкретные, отдельные предметы концептуализированы как 'единичное целое', которое можно считать и подсчитывать. Множества конкретных однородных предметов (больше единицы = много) концептуализируются, как 'много'.

Нецелые предметы концептуализируются, как несчитаемые предметы, обратное утверждение также верно – несчитаемые предметы концептуализируются как нецелые предметы.

В зависимости от других признаков (структуры предмета, функционирования предмета, взаимодействия с предметом, даже отношения к предмету) целое может концептуализироваться, как функциональное 'много' (дуальные существительные), а много – как функциональное 'целое' (собирательные существительные).

Таким образом, по способу концептуальной категоризации предметности формируются следующие грамматические классы:

1. Класс считаемых существительных (с коррелятивными формами единственного и множественного числа) – они отражают концептуализацию целого как 'целое' и множества как 'много'. Это представительная, «прототипичная» часть лингвистической предметности.

2. Класс дуальных существительных (с формой только множественного числа) – они отражают концептуализацию целого как 'много' и находятся в периферии лингвистической предметности.

3. Класс собирательных существительных (с формой только единственного числа) – они отражают концептуализацию множества как 'целое' и также находятся в периферии лингвистической предметности.

4. Класс названий масс (вещественных и абстрактных) (с формой только единственного или только множественного числа) – они отражают концептуализацию нецелого как 'нецелое (континуум)' и размещаются между ядром лингвистической предметности (заимствова-

но у считаемых существительных) и ее периферией (заимствовано у дуальных и собирательных существительных).

Именно потому, что они являются периферией, дуальные и собирательные существительные являются самыми слабыми звеньями лингвистической предметности: как только изменится концептуализация их объектов, меняется и их грамматический статус. Это особенно характерно для болгарского языка и в меньшей степени для русского и остальных славянских языков, в которых синтетизм тоже «поддерживает» классы относительно стабильными, так как они пользуются поддержкой многочисленных падежных парадигм, при помощи которых они представлены [6, с. 45]. В аналитическом болгарском языке, в котором существует одна единственная форма этих существительных, семантико-функциональная уникальность указанных двух классов легко расшатывается и уничтожается.

Концептуализация предметности подвергается эволюции и развивается, она является чрезвычайно динамическим когнитивным процессом; языковая категоризация предметности, застывшая в грамматических классах и категориях, следует за изменениями в концептуализации, но отстает от них, иными словами, следует за ними, но медленно. На любом синхронном срезе развития языка наблюдается как симметричное, так и асимметричное отношение между концептуализацией и категоризацией предметности. Это состояние симметричности и асимметричности как процессуальную универсалию очень точно описала М. Пенчева [13, с. 393–405].

В конце следует сказать также, что в рамках считаемых существительных, и конкретнее в зоне личных существительных, концептуализация отражена также в категории рода. Семантическая зона личных существительных является основной семантической базой родовых противопоставлений. По причине полной утраты именного склонения категоризация при помощи родовых групп и классов обладает большей ценностью в болгарском, чем в русском языке. Ив. Леков специально подчеркивает, однако, что из-за унификации именных основ в падежных славянских языках, в том числе в русском, род начинает играть все более активную роль и в их грамматическом строе [10, с. 102].

Итак, в результате беглого сопоставления способов концептуализации и грамматической категоризации предметности в болгарском и русском языках можно прийти к выводу, что самая большая близость между двумя языками наблюдается в „прототипичной», ядерной предметности, представленной считаемыми существительными с соотносительными формами единственного и множественного числа, а самые большие различия существуют, как можно ожидать, на периферии предметности, представленной в обоих языках дуальными и собирательными существительными. В грамматическом поведении названий вещественных и абстрактных масс существуют как сходства, так и различия.

Перевод С. Польшиковой

ЛИТЕРАТУРА

1. Wierzbicka A. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma Publishers, 1985.
2. Wierzbicka A. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
3. Wierzbicka A. *Semantics. Primes and Universals*. New York: Oxford University Press, 1996.
4. Вежбицкая А. *Семантические универсалии и описание языков*. Москва: Языки русской культуры, 1999.
5. Есперсен О. *Философия грамматики*. Москва, 1958.
6. Иванчев Св. Черта към аналитичната характеристика на българския език // *Български език*. 1977. №1.

7. Ковачева Н. Категория числа имен существительных в русском языке в сопоставлении с болгарским // *Изучение русского языка в сопоставлении с болгарским*. София: Народна просвета, **1983**.
8. Котова Н., Янакиев М. *Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком*. Москва: Издательство Московского университета, **2001**.
9. Lakoff G. Classifiers as a Reflection of Mind // *Noun classes and categorization* / Ed. C. Craig. Amsterdam: John Benjamins, **1986**.
10. Леков И. *Общност и многообразие в граматическия строй на славянските езици*. София: Издание на Българската академия на науките, **1958**.
11. Ляшевская О. Н. О семантической числовой парадигме имен существительных (названия пищи в русском языке) // *Вопросы языкознания*. **2004**. №1.
12. Панфилов В. З. *Гносеологические аспекты философских проблем языкознания*. Москва, **1982**.
13. Пенчева М. *Човекът в езика. Езикът в човека*. София: Св. Климент Охридски, **1998**.
14. Потапова М. Д. Семантика грамматической категории числа в свете понятия множества. // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. **1983**. Т. 42. №2.
15. Ревзин И. И. *Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы*. Москва: Наука, **1977**.
16. Ревзин И. И. *Структура языка как моделирующей системы*. Москва: Наука, **1978**.
17. Руденко Д. И. Общее имя как явление естественного языка. // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. **1986**. Т. 45. №1.
18. Фрумкина Р. М., Михеев А. В., Мостовая А. Д., Рюмина Н. А. *Семантика и категоризация*. Москва: Наука, **1991**.

Поступила в редакцию 15.08.2013 г.

**CONCEPTUALIZATION OF OBJECTIVENESS
AND CLASSIFICATION OF NOUNS IN BULGARIAN LANGUAGE
(in comparison with Russian Language)**

© S. P. Burov

*St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo
2 T. Turnovski Street, 5003, Veliko Turnovo, Republic of Bulgaria
E-mail: stobur@abv.bg*

The article examines the interpretation peculiarities of notions about objectiveness through the prism of grammatical characteristics of the noun in Bulgarian language in comparison with Russian. The author suppose that conceptualization of objectiveness primarily related to quantitative categorization. Specific, individual objects are conceptualized as “a single unit”; specific set of similar specific objects conceptualized as “many”; fractional objects conceptualized as uncounted items, converse is also true – uncounted items conceptualized as fractional objects. Depending on other characteristics (structure of the object, the object functioning, interaction with the object, even through relation to the object, a unit can be conceptualized as functional “many” (dual nouns), and many – as a functional “single unit” (collective nouns). The following grammatical classes are distinguished by the method of conceptual categorization of objectiveness: 1) class of countable nouns (having correlative singular and plural forms) – they reflect the conceptualization of the whole as “a single unit” and of multiplicity as “many”; 2) class of dual nouns (having plural form only) – they reflect conceptualization of the whole as “many” and located on the periphery of the language objectiveness; 3) class of collective nouns (having a singular form only) – they reflect the conceptualization of multiplicity as “a single unit” and also located on the periphery of the language objectiveness; 4) class of nouns serving as names for the masses (both real and abstract) (having only single or plural form) –they reflect the conceptualization of fractional as “non-integral (continuum)” and located between the core of the language objectiveness and its periphery. Their periferal location is the reason for dual and collective nouns to be the weakest elements of the language objectiveness. This is typical for the Bulgarian language and to a lesser extent for Russian and other Slavic languages whose sintetizm also “supports” the classes relatively stable. The comparison of methods of conceptualization and grammatical categorization of objectiveness in Bulgarian and Russian has led to conclusion that the greatest affinity between the two languages is observed in the “prototypical” nuclear objectiveness represented by countable nouns having correlative singular and plural forms, and the greatest differences were found on the periphery of objectiveness represented in both languages by dual collective nouns.

Keywords: *objectiveness, conceptualization, categorization, noun, Bulgarian language, Russian language.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Burov S. P. Conceptualization of Objectiveness and Classification of Nouns in Bulgarian Language (In Comparison with Russian Language) // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 4. Pp. 309–322.

REFERENCES

1. Wierzbicka A. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma Publishers, 1985.
2. Wierzbicka A. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
3. Wierzbicka A. *Semantics. Primes and Universals*. New York: Oxford University Press, 1996.
4. Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov [Semantic Universals and Description of Languages]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1999.
5. Espersen O. *Filosofiya grammatiki*. Moscow, 1958.

6. Ivanchev Sv. *Balgarski ezik*. **1977**. No. 1.
7. Kovacheva N. *Izučenie russkogo yazyka v sopostavlenii s bolgarskim*. Sofia: Narodna prosveta, **1983**.
8. Kotova N., Yanakiev M. *Grammatika bolgarskogo yazyka dlya vladeyushchikh russkim yazykom [Grammar of Bulgarian Language for Russian Speakers]*. Moscow: Izda-tel'stvo Moskovskogo universiteta, **2001**.
9. Lakoff G. *Noun classes and categorization*. Ed. C. Craig. Amsterdam: John Benjamins, **1986**.
10. Lekov I. *Obshchnost i mnogoobrazie v gramaticheskiya stroi na slavyanskite ezitsi [Similarity and Diversity in Grammar Structure of Slavic Languages]*. Sofia: Izdanie na Balgarskata akademiya na naukite, **1958**.
11. Lyashevskaya O. N. *Voprosy yazykoznaniya*. **2004**. No. 1.
12. Panfilov V. Z. *Gnoseologicheskie aspekty filo-sof-skikh problem yazykoznaniya [Epistemological Aspects of Philosophical Problems of Linguistics]*. Moscow, **1982**.
13. Pencheva M. *Chovekat v ezika. Ezikat v choveka [People in a language. Language in a man]*. Sofia: Sv. Kliment Ohridski, **1998**.
14. Potapova M. D. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. **1983**. Vol. 42. No. 2.
15. Revzin I. I. *Sovremennaya strukturnaya lingvistika. Problemy i metody [Modern Structural Linguistics. Problems and Methods]*. Moscow: Nauka, **1977**.
16. Revzin I. I. *Struktura yazyka kak modeliruyushchei sistemy [Structure of a Language as a Modeling System]*. Moscow: Nauka, **1978**.
17. Rudenko D. I. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya li-teratury i yazyka*. **1986**. Vol. 45. No. 1.
18. Frumkina R. M. Mikheev A. V., Mostovaya A. D., Ryumina N. A. *Semantika i kategorizatsiya [Semantics and Categorization]*. Moscow: Nauka, **1991**.

Received 15.08.2013